

Производительность труда пленных иностранцев на Урале. 1914—1917 гг.

Н.В. Суржикова

Достаточно беглого взгляда на отечественную историю, дабы констатировать, что в Россию как страну, воевавшую практически постоянно, неизбежно возвращалась реальность военного плена. Однако российский плен времен первой мировой войны заметно отличался от своих более ранних аналогов, став первым в отечественной истории опытом столь массового пленения и, соответственно, содержания вражеских военнослужащих и их массового же вовлечения в экономическую жизнь страны. Очевидно, что участие пленных в процессах производства и потребления оказало заметное влияние на актуальное состояние потребительского рынка и рынка труда, а управление обозначенными процессами привело к формированию новых механизмов администрирования в системе общенациональных и региональных хозяйственных связей. При этом экономика плена интересна не только и не столько сама по себе, сколько как отражение характерных для своего времени (и места) представлений об экономической целесообразности, стратегиях экономического развития и инструментах их реализации, а также возможностях одновременного решения политических и экономических задач. Кроме того, изучение ретроспективной тематики позволяет конкретизировать или рафинировать представления о расстановке сил на российском политико-экономическом олимпе, иерархизировать экономические интересы различных групп влияния, рассмотреть характер и динамику их взаимоотношений. В самом общем виде можно сказать, что изучение экономики плена 1914—1917 гг., безусловно, актуально для анализа региональных и общероссийской культур производства, культур потребления и экономических культур в целом.

Рассматривая процессы администрирования, производства и потребления в модуле единого, то есть как «величины» интегральные, не следует забывать, что экономика плена во многом была экономикой экспериментальной. Чтобы описать ее в категориях эффективности и неэффективности, уточнения списка отраслей и объектов, где были заняты пленные, а также «реставрации» условий их содержания и обеспечения явно недостаточно. Пренебрегая решением этих задач, уже обозначенных целым рядом исследований¹, остановимся на анализе тех практик оптимизации порядка и итогов трудового использования пленных, которые были предложены и апробированы уральскими хозяйственниками, уповавшими на военнопленных как на едва ли не единственных спасителей экономики края от сокращения объемов выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Суржикова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. Екатеринбург.

Если в августе 1914 г. речь шла лишь о «желательности принудительного обращения военнопленных» на работы, то в марте 1916 г. Главное управление Генерального штаба категорически требовало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался в лагере без назначения»². В конечном итоге пленные оказались привлечены к исполнению самых разных работ, что привело к формированию в структурах российской экономки внушительного по своим размерам сектора принудительного труда. Основным «потребителем» пленных стала аграрная отрасль, что для страны главным образом аграрной было вполне закономерно³.

В пределах же горнозаводской цивилизации, каковой являлся Уральский регион, при распределении пленных между хозяйствующими субъектами приоритеты были расставлены иначе. Здесь военнопленные концентрировались прежде всего в промышленности. Известно, в частности, что к концу 1915 г. только на 31 крупном предприятии Урала трудилось свыше 25 тыс. военнопленных, на долю которых приходилось 17,8% общего числа работников. В 1916 г. соответствующие цифры достигли 55 тыс. чел. и 29,3%, причем в отдельных производствах удельный вес пленных в составе «обращавшихся на работах» превысил 40%⁴. В иерархии предприятий, заполучивших самые крупные партии пленных, первую строчку занимало Богословское горнозаводское общество, среди 34 404 рабочих которого 15 610 чел. были пленные (45,3%); вторую — Алапаевские горные заводы, где наряду с 7432 местными рабочими трудилось 5237 военнопленных (41,5%); третью — Никольский чугуно-плавильный завод Н.Ф. и С.Ф. Злоказовых, из 1629 рабочих которого пленные составляли 634 чел. (38,9%)⁵. В 1917 г. статистика уральского плена преодолела планку в 70 тыс. чел., из которых порядка 62 тыс. чел. было занято в промышленном секторе региональной экономики и только порядка 10 тыс. чел. — на общественных работах и в поле⁶.

При этом, где бы ни были заняты военнопленные, проблемы возникали одни и те же. Уже пробный опыт приобщения пленных к труду показал, что предприятие это сомнительное. 26 сентября 1914 г. газета «Зауральский край» сообщала: «Наблюдающие за работой военнопленных на городском валу и в других местностях приходят к убеждению, что пленные работают вяло, можно сказать совсем плохо. То, что отработают 1200 человек пленных в день, 100 наших платных рабочих сработают в день, даже больше»⁷. Участие пленных в посевной и уборочной кампаниях 1915 г. не порадовало и местных аграриев, поскольку производительность подневольного труда оказалась «вдвое и более меньше нормальной для данной местности»⁸. Аналогичная ситуация была зафиксирована и там, где пленные использовались на заготовках древесного топлива. «На лесных работах десяток пленных сделает лишь столько, сколько 2—3 русских рабочих. Поэтому нецелесообразно в благополучном исходе лесных заготовок полагаться исключительно на работу военнопленных», — констатировало в ноябре 1915 г. руководство Николае-Павдинского горного округа⁹. Менее категорично об эффективности такого труда отзывалась администрация Ревдинского горного округа. Но и она признавала, что рубщик леса из числа пленных иностранцев летом заготавливал максимум 5 куб. саж. дров в месяц и не более 4—4,5 саж. зимой, в то время как русский рабочий стабильно выдавал не менее 7 куб. саж. ежемесячно независимо от времени года¹⁰.

Очень скоро труд военнопленных не оставил никаких иллюзий и у администрации Богословского горного округа, использовавшей пленных в том числе и на заводских работах. 4 июля 1915 г. заведующий доменным цехом Надеждинского завода обратился к директору завода барону Е.А. Таубе с такой запиской: «При сдельных работах военнопленные зарабатывают значительно меньше русских. Так, при выгрузке руды из вагонов военнопленный разгружает в два-три раза меньше русского, причем в столько же раз уменьшается его заработок по сравнению с заработком русского. ... При поденных работах военнопленные работают гораздо медленнее русских, что вызывается отчасти отсутствием того старания, которое замечается у русских. Приходится ставить лишних, вместо 12 русских на откатке чугуна, например, приходилось 14—16 австрийцев»¹¹.

Антирекорды подневольного труда были прежде всего следствием внедрения крайне нерациональной системы оплаты труда военнопленных. Согласно высочайше утвержденным 7 октября 1914 г. «Правилам о порядке предоставления военноплен-

ных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств», никакого материального вознаграждения пленным вообще не полагалось, что никак не способствовало стимулированию их труда¹². «Опыт и практика ... показали, что успешности и продуктивности работы военнопленных возможно было достичь только единственным способом — выдачей им наличного содержания от 20 коп. до половины заработка — 30 коп. в день на человека, ибо при работах на полном казенном содержании военнопленные были не в состоянии заработать даже своего содержания, за ними требовался в ущерб заводскому хозяйству усиленный надзор, который также не обеспечивал необходимой продуктивности труда. Кроме того, в нескольких случаях за неимением или малочисленностью должной охраны, военнопленные отказывались исполнять принудительно работы, что, безусловно, вызывало еще больший ущерб казне», — указывал горный начальник Камско-Воткинского горного округа в отправленном 31 июля 1915 г. в Уральское горное правление рапорте¹³. Городские и уездные самоуправления, убедившись в бесперспективности соблюдения буквы закона, также пошли по пути «монетизации» своих трудовых отношений с военнопленными¹⁴.

В конечном итоге от использования в части оплаты труда пленными указанного выше источника отказались все казенные предприятия и местные самоуправления, переориентировавшись на руководство правилами, преподанными в марте 1915 г. частным предприятиям. Однако ретроспективный документ, сообразно которому пленные могли использоваться на работах только за плату, был далек от совершенства. Крайне негативное влияние на отношение пленных к труду и его результаты оказывали бытовавшие в соответствии с девятым пунктом правил отчисления в так называемый особый фонд, куда вплоть до мая 1916 г. переводилась вначале треть, а затем четверть их заработка. В том, что эти вычеты, мягко говоря, дестимулируют пленных¹⁵, уральские хозяйственники убедились довольно быстро и сразу после выхода соответствующих узаконений организовали посредством Совета съездов горнопромышленников Урала настоящую кампанию за разрешение несколько большей свободы в расчетах с пленными, работающими при заводах¹⁶. Пока же непопулярное в деловой среде решение правительства оставалось в силе, администрация Богословского горного округа, дабы хоть как-то мотивировать пленных, посулила им следующие блага: «Управление предлагает объявить военнопленным, что тем из них, которые проявят себя исправными, производительными рабочими, Общество гарантирует получение удерживаемой одной трети [зарботка] лично ими при отъезде по окончании войны на родину, а потому эта треть будет считаться по их личному счету. Кроме того, разрешается покупка таким пленным через администрацию отделов предметов первой необходимости при недостатке на то остальных двух третей [зарботка] так же и за счёт первой трети»¹⁷. Некоторые предприятия и учреждения, в частности, Ревдинские заводы и городская дума Екатеринбургa, просто воздержались от каких-либо переводов в казну, предпочтя им сохранение более или менее достойной оплаты труда военнопленных и «продержавшись» так практически до отмены системы вычетов¹⁸.

Предшествовавший демонтажу системы вычетов циркуляр МВД от 3 апреля 1916 г. засвидетельствовал, что глас уральских — и не только уральских — хозяйственников, наконец-то, был услышан: «Широкий опыт применения труда пленными на различного рода работах с несомненностью свидетельствует о том, что лишь при условии установления в пользу их платы, в достаточной мере соответствующей затраченному пленными труду, последний является производительным»¹⁹. Собственно же постановление об отмене вычетов в особый фонд увидело свет 28 апреля 1916 г. и, в частности, предписывало: «...Отныне вся заработная плата военнопленных, за исключением расходов, понесенных предприятием, в которых работают пленные на их содержание, одежду и прочее, может быть выдаваема военнопленным»²⁰.

Однако этого для повышения производительности труда пленными иностранцев было недостаточно. Нехитрые подсчеты показывали, что она напрямую зависела не только от установлений, принятых на общероссийском уровне, но и от местных условий. Обнаружив эту закономерность, газета «Зауральский край» сообщила об использовании пленными на каменотесных работах в районе Каменского чугуноплавильного и железодельного завода и ремонте дорог в Шадринском уезде следующее: «Там, где работа была отдана сделно, военнопленные проявили высокую работоспособ-

ность и получили заработок почти вдвое выше наших рабочих. Но там, где труд военнопленных применялся поденно, он оказался крайне непродуктивным»²¹. К тем же выводам пришел и заведующий военнопленными на Коноваловском (Усть-Сылвицком) лесоразделочном заводе, заметивший, что пленные, организованные поотрядно или смешанным урочно-отрядным порядком, работали охотно и усердно, тогда как все поденные работы выполнялись ими «из рук вон скверно, требуя большего числа надзора»²².

Со временем на некоторых предприятиях, к примеру, в Верхнетагильском лесничестве Верх-Исетских заводов, от поденной оплаты труда отказались вообще (декабрь 1916 г.), в то время как на других производствах, в частности, на Нижнетагильском механическом заводе, решено было «тем военнопленным, которые занимаются не сдельно, а исполняют постоянные работы, устанавливать за две недели вперед определенные нормы приплат» (июнь 1917 г.)²³. В июле 1917 г. управление Нижнетагильского и Луньевского округов наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, конкретизировало эти нормы, постановив тем военнопленным, которые отработают в месяц 22 и 23 поденщины, выплачивать премию в размере 20 коп. на каждую основную поденщину (1 руб. 60 коп.), отработавшим 24 и 25 поденщин — 40 коп., 26 и 27 поденщин — 55 коп., 28 и более поденщин — 70 копеек²⁴.

Всевозможные эксперименты, связанные с оптимизацией системы материального поощрения пленных, закончились тогда, когда большинство предприятий и учреждений края отказалось платить пленным «по нормальной табели» на общих основаниях с другими рабочими, как того требовал закон. При этом подчеркивалось, что такой порядок был бы не справедлив по отношению к «своим» рабочим, поскольку они, в отличие от пленных, тратят свой заработок не только на себя, но и содержат свои семьи²⁵. Это было одновременно и верно и неверно, поскольку местные рабочие, действительно тратившие свой заработок на себя и свои семьи, тратили его по собственному усмотрению, тогда как пленные такой привилегии были лишены и едва ли понимали хоть что-то в бухгалтерии, связанной с оплатой их скромного труда.

К вопросу об уравнивании тарифных ставок пленных со ставками местных рабочих уральские предприятия вернулись только после Февральской революции 1917 года. В июле решение об уравнивании зарплаты всех трудящихся, «независимо от пола, возраста и национальности рабочего, а также военнопленных и ввозных рабочих» было зафиксировано в резолюции окружного приуральского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о минимальной заработной плате, но нормой оно не стало. Экономически военнопленные были уравнены с русскими рабочими только в марте 1918 г., после выхода соответствующего постановления уральского областного комиссариата труда²⁶.

Ставшее правилом занижение расценок привело к тому, что заработок пленных оказался слишком малыми и не служил действенным стимулом к росту производительности труда. Получаемые пленными суммы были так мизерны, что скорее, походили на подачки, нежели на материальное вознаграждение. Чего было больше в таком порядке оплаты труда — поощрения или наказания, кнута или пряника, — сказать затруднительно. Между тем, уральские хозяйственники видеть очевидного не хотели, списывая неэффективность труда военнопленных на их непригодность к тем или иным видам работ или, того проще, на их «леность» и «нерадивость».

В целях борьбы с первым явлением весной 1916 г. главное лесничество Богословского горного округа признало необходимым прикрепить к каждому 100 пленным особого пилоправа с окладом 30 руб. в месяц. Осенью того же года, помимо пилоправов, в лесничествах «завели» еще и специальных «указателей по рубке», избравшихся из местных рабочих-зырян. Но ставка на «повышение квалификации» пленных так себя и не оправдала, и причина тому была не только в них. «Большинство лесных, пользуясь трудом военнопленных, вырубает наиболее плохие участки леса с наибольшими запасами на десятины, которые при нормальных условиях работы русскими и в особенности зырянами обыкновенно избегались, что конечно, также отразилось на продуктивности работы пленных»²⁷. Другие предприятия края также быстро охладели к идее прививания пленным тех или иных специальных знаний и навыков, причем не только потому, что грустной статистики подневольного труда их отсутствие не объясняло. Администрация Кизеловских копей князя Абамелек-Лазарева 4 декаб-

рия 1917 г. корреспондировала в Петроград, уполномоченному по иностранным рабочим, что для «инструктирования пленных приходится брать русских забойщиков, которых мало на копях, чем ослабляются самые продуктивные забои, и чем больше будет на копях пленных, тем слабее будет ядро русских забойщиков»²⁸.

Исчерпав все «мирные» способы побуждения пленных к труду, местные хозяйственники пустили в ход репрессии, тем более что первые нередко давали к этому повод. За незначительностью выплачиваемого им вознаграждения пленные иностранцы смотрели на любую работу как на отбывание тяжелой повинности и пользовались каждой возможностью от нее уклониться²⁹. Так, австрийцы Карл Рениш и Карл Шемиц наотрез отказались работать, ссылаясь на то, что продукция Надеждинского завода, где они оказались в конце 1915 г., шла на удовлетворение нужд армии, в то время как ст. VI Гаагской конвенции о военнопленных 1907 г. запрещала использовать пленных на любых работах, связанных с военными действиями. 135 присланных из Ишима на Полазненский завод бывших военнослужащих 28-го и 88-го пехотных полков австро-венгерской армии и вовсе не собирались работать, поскольку были уверены, что они, сдавшиеся в плен добровольно, работать не обязаны. 130 пленных с Койвенских рудников Лысьвенского горного округа заявили уряднику о своем намерении оставить работы под тем предлогом, что им не предоставляются выходные дни. В Каслях 300 военнопленных забастовали от того, что вместо положенного им белого хлеба выдали черный³⁰.

Уклонение и прямой отказ пленных от работ стали общими бедами для предприятий, пользовавшихся их трудом. Это заставило правительство обратить внимание на данную проблему. Сначала «уклонистов» и «отказников» возвращали военным властям, что, однако, напрямую вредило интересам работодателей. «При таком порядке Министерство торговли и промышленности, в распоряжение которого эти пленные были отпущены, лишается некоторого их количества, — указывалось в одном из документов. — Между тем при существующей в настоящее время острой нужде в рабочих руках такие пленные, после наложенного на них наказания, могли бы быть с пользою обращены на работы того же или другого предприятия из числа подведомственных Министерству торговли и промышленности»³¹.

Заинтересованные в сохранении за собой с большим трудом полученных работников, пусть даже и «нерадивых», уральские хозяйственники не теряли надежды «перевоспитать» их самостоятельно. Администрация Богословского горного округа, к примеру, решила наказывать военнопленных-саботажников рублем. В целях борьбы с «прогульщиками» в конце мая 1915 г. на предприятиях общества были введены штрафные санкции. За первый пропущенный день провинившийся наказывался 50 коп. штрафа, удерживаемого из его заработка, за второй — 75 коп., за третий — 1 рублем. И только не вышедший на работу четыре дня подряд или более шести дней за месяц отправлялся в распоряжение уездного воинского начальника³².

Помимо того, пленные, совершившие какие-либо проступки или проявившие «леность», отправлялись окружной администрацией на лесные работы в район рек Тоты и Каквы. Условия содержания здесь были суровыми, а питание скудным. Оно осуществлялось по нормам, установленным военным ведомством, но полагалось лишь тем, кто на него заработал. С отправкой провинившихся в лесничества администрация округа не промахнулась, поскольку пленные считали лесные работы наиболее тяжелыми даже в сравнении с рудничными, и перевод на рубку дров действительно был наказанием³³.

Однако число тех, кого следовало бы сослать на Тоту и Какву, превосходило все мыслимые пределы. Но выход был найден: во всех отделах округа «нерадивым» пленным стали выдавать уменьшенный паек, причем мера эта рассматривалась как целесообразная «только при усиленном надзоре и полной изоляции плохо работающих от исправных». Если в течение недели производительность труда пленного не увеличивалась, его переводили на хлеб и воду. Бараки же на Тоте и Какве стали, по-видимому, местом ссылки наиболее злостных нарушителей трудовой дисциплины. 11 января 1917 г., к примеру, с работ Богословской каменноугольной копи были сняты и отправлены на работы Богословского лесничества пленные Шваб Франс (за карточную игру и нежелание работать), Цорвенкович Георг и Джефербергович Алия (за воровство и нежелание работать)³⁴.

Пример Богословского округа оказался, что называется, заразительным. В Нижнетагильском и Луньевском округах нормой стала отсылка пленных в дом Романовых (Романова), который был своего рода «дисциплинаркой», где провинившиеся пленные сталкивались с полным лишением свободы при весьма скудном питании и жестком режиме содержания. Это заведение, как и другие ему подобные, продолжало функционировать даже после того, как в мае 1916 г. к решению проблемы дисциплинарного воздействия на пленных подключилась полиция. В соответствии с циркуляром департамента полиции МВД № 29603 теперь по отбытии наказания в виде простого, строгого, усиленного или смешанного ареста сроком до одного месяца «отказники» снова возвращались на работы³⁵.

Скоро стало очевидно, что «в виду безуспешности обращения в полицию» проблема нежелания пленных работать так и осталась на разрешении работодателей. Больше того, одиночные очаги неподчинения пленных в 1917 г. уже грозили перерасти в массовое забастовочное движение, о чем свидетельствовали выступления на первом участке Северо-Восточной Уральской железной дороги и постройке Казань-Екатеринбургской линии, гончарном заводе П.Ф. Давыдова в Екатеринбурге и Смирновской руднике под Карабашем, а также ряде других уральских предприятий³⁶. При том ни угрозы, ни угрозы должного влияния на военнопленных не оказывали, поскольку, вернувшись к работам, они просто переходили от активного сопротивления к пассивному, игнорируя всякие требования поставленных над ними властей. Усиление надзора посредством приглашения в качестве сторожей для военнопленных фронтовиков-инвалидов или солдат, бежавших из неприятельского плена, также не давало эффекта³⁷. Управление Кизеловских копей в январе 1917 г. жаловалось, что среди отпущенных им пленных иностранцев «около 500 человек упорно ленивых, и администрация копей не может их заставить работать» никакими подсобными средствами³⁸. В то же время факт своей неспособности решить проблему «уклонистов» и «отказников» признало и руководство Нижнетагильского и Луньевского округов, где в конечном итоге пришли к заключению, что «... единственной мерой пресечения своеволия или отказа от работы со стороны военнопленных является отсылка виновных в этих проступках к воинскому начальнику для исправления их в лагеря»³⁹.

Действенных механизмов побуждения военнопленных к труду уральские хозяйственники так и не изобрели, опробовав в своих поисках как экономические, так и административные методы воздействия. Приоритет сиюминутных целей обусловил тот факт, что внеэкономические рычаги давления на военнопленных, в конечном счете, возобладали над экономическими. Ставка на грубую силу, принуждение и подавление обернулась «лагеризацией» производства и не только не дала ожидаемого эффекта, но, наоборот, способствовала деградации хозяйства, которое пошло по пути постоянного увеличения числа рабочих при одновременном падении качества выполняемых ими работ. Таким образом, пленные, принудительная интеграция которых в хозяйственную жизнь края должна была иммунизировать местные социально-экономические институты от тенденций дестабилизации, постепенно превратились в фактор, способствовавший развитию негативных явлений в производстве.

Примечания

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-66-007 а/У.

1. См., напр.: ГОРДЕЕВ О.Ф. Использование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права. — Красноярский край: история в документах. Материалы науч. конф. Красноярск. 2004, с. 7—13; НИМАНОВ И.Б. Содержание и использование военнопленных в России в годы первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 гг.). — История в культуре, культура в истории. Материалы V Сафаргалиевских науч. чтений. Саранск. 2001, с. 187—199; ТАЛАПИН А.Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914—1917 гг. (По материалам Омского военного округа). — Омские исторические чтения. Омск. 2003, с. 130—134; ШКАРЕВСКИЙ Д. О привлечении немецких военнопленных в сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны. — «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. Материалы II междунар. конф. «Стеллеровские чтения». Тюмень. 2005, с. 142—143; и др.

2. Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М. 1987, с. 37.
3. О распределении пленных по отраслям хозяйства см.: АНФИМОВ А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). М. 1962, с. 95; КИТАНИНА Т.М. Война, хлеб и революция. Л. 1985, с. 55.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 123, оп. 1, д. 3, л. 445об.; Зауральский край, 1916, 4 июня (№ 122); Доклад Совета XXII очередному Съезду горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг. 1917, с. 1—10.
5. Ведомость о количестве рабочих, занятых в горной промышленности Урала на 1 октября 1916 г. — В кн.: Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала..., с. 18—24.
6. ГАСО, ф. 50, оп. 2, д. 3184, л. 322—324; Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 58—62 чрезвычайных сессий и 47 очередной сессии 1916—1917 гг. Пермь. 1917, с. 120.
7. Зауральский край, 1914, 26 сентября.
8. Пермская земская неделя, 1916, 27 марта.
9. ГАСО, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 428.
10. Там же, ф. 24, оп. 14, д. 964, л. 191.
11. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 219—219об.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1915, 29 мая, № 150, ст. 1162.
13. ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 3174, л. 90, 90об.
14. Зауральский край, 1915, 16 апреля, 21 мая; Уральская жизнь, 1915, 5 июня.
15. См., напр.: ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 219—219об.
16. Доклад Совета XXI очередному Съезду горнопромышленников Урала о деятельности Совета съездов за 1915 год. Б/м. Б/г.
17. ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 228, л. 33.
18. Там же, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 9—9об.
19. Там же, ф. 435, оп. 1, д. 1738, л. б/н.
20. Уральская жизнь, 1916, 13 мая.
21. Зауральский край, 1915, 21 мая.
22. ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 3174, л. 486.
23. Там же, ф. 55, оп. 2, д. 1128, л. 15—16; ф. 643, оп. 1, д. 3995, л. 30—30об.
24. Там же, ф. 643, оп. 1, д. 3995, л. 44.
25. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 1041, л. 1.
26. Там же, ф. 24, оп. 26, д. 43, л. 39; ф. 643, оп. 1, д. 3995, л. 16—17об., 27—28; Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II. 1917 г. (февраль—октябрь). Свердловск. 1927, с. 146, 149.
27. ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 6.
28. Там же, ф. 111, оп. 1, д. 254, л. 70.
29. Там же, ф. 24, оп. 20, д. 3174, л. 487; ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 172.
30. Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. 146, оп. 1, д. 95, л. 168, 168об., 428; ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 172, 180; ф. 123, оп. 1, д. 63, л. 23.
31. ГАСО, ф. 123, оп. 1, д. 41, л. 7.
32. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 228, л. 17.
33. Там же, л. 31; д. 1101, л. 201.
34. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 6; д. 1101, л. 205.
35. Там же, ф. 643, оп. 1, д. 3995, л. 16; ф. 435, оп. 1, д. 1738, л. б/н.
36. Уральская жизнь, 1917, 6 мая; Зауральский край, 1917, 7 июня; и др.
37. ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 221, л. 19; ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 125об.
38. Там же, ф. 111, оп. 1, д. 254, л. 87.
39. Там же, ф. 643, оп. 1, д. 3995, л. 89.